

О потенциале межкультурного подхода в исследованиях полицивилизационного мира

При работе над мегапроектом о цивилизационном развитии российского общества целесообразно использовать межкультурный подход, расширяющий горизонты рефлексии, а также упреждающий от возможных ошибок и угроз. Позволю себе привести три, как мне представляется, поучительных примера. Признание древнейших индийской и китайской цивилизаций ни у кого не вызывает сомнения. Однако обе столкнулись с проблемой продолжения цивилизационного пути, при этом достигнув тех высоких параметров общественного бытия, которые демонстрируют высокоразвитые страны мирового сообщества. Политические элиты в Индии и Китае предпочли продвигаться к будущему, прибегнув к архаизации политического пространства.

О ситуации в Индии с приходом к власти премьер-министра Н. Моди (2014), я уже не раз писала. А потому суммирую ранее сказанное в предельно сжатой форме. Победа ставленника "Бхаратия Джаната парти" (БДП), политического крыла индуистской националистической организации «Великое собрание индусов» (активист которой убил Махатму Ганди), ознаменовала конец политики Индийского национального конгресса (ИНК), возглавлявшего национально-освободительное движение и проводившее в течение полувека политическую линию «Неру-Ганди»: преобразование страны в суверенную, демократическую, федеративную, светскую республику; развитие смешанной плановой экономики, нацеленной на достижение экономической независимости, борьбу с нищетой и неравенством (социальным, религиозным, гендерным); проведение миролюбивой внешней политики неприсоединения.

Индуистский радикализм нового режима, выраженный в концепте *хиндутва* («индусскость»), ратует за построения мононационального государства с архаичным кастовым строем. Предано забвению предупреждение «отца нации» Махатмы Ганди: «Если самая многочисленная община Индии в своем упоении властью станет тешить себя верой учредить чисто индуистское государство «*Рама райштра*», это повлечет за собой крах самой индуистской общины и ее религии».

Тенденция к архаизации идеологии и политики отчетливо проявилась в последнее время в Китае. Выступая по случаю 100-летнего юбилея Компартии Китая, Си Цзинпин заявил, что КПК удалось превратить некогда отсталый и разоренный Китай в державу, соперничающую с Америкой за глобальное лидерство благодаря построению адаптивной системы власти, сочетающей элементы однопартийной диктатуры ленинского типа и традиционной для Китая системы бюрократии. Рыночная экономика функционирует на базе гибрида капитализма с госсектором при сильном участии централизованной авторитарной власти. Модель выстроена на основе традиций рыночного хозяйства при императорской власти и бюрократической вертикали. КПК все больше становится похожа на традиционную для Китая систему управления, где узкая прослойка людей, образованных по результатам экзаменов, получает должности в разветвленной бюрократической иерархии. Управленческая конструкция «красной династии» отличается от императорских династий тем, что власть не передается по наследству, родственники руководителей оказывают меньшее влияние на дела управления, а сами бюрократы более профессиональны, чем мандарины, получавшие чиновничьи должности за умение писать эссе о классических стихах. Си Цзиньпина отошел от сформированной в 1990-е и 2000-е модели регулярной сменяемости верховной власти (раз в десять лет) и коллегиальности при принятии решений. Однако даже он будет передавать высшие посты в партии и государстве не своим родным, а профессиональным

бюрократам из числа прошедших по всем ступеням партийной карьерной лестницы. В этом плане «красная династия» похожа на древнекитайский «золотой век», когда мифические императоры Яо, Шунь и Юй передавали власть наиболее достойным сынам Поднебесной.

Конфуцианство не единственный источник китайской традиционной системы. Огромное влияние на нее оказал синтез воззрения конфуцианцев и легистов, убежденных в том, что люди от рождения не добродетельны, а движимы жаждой славы, наживы и страхом. К идеям легистов о наградах и наказаниях, а также значении писаного права восходят многотомные уголовные кодексы различных китайских династий. Конфуцианские же воззрения сформировали основу пропаганды и системы образования.

К традиционным инструментам управления современная власть в Китае планируется прибавить цифровизированную «систему социального доверия» («социального кредита»). На основании доступных государству данных и с помощью искусственного интеллекта система сможет присваивать гражданам, госорганам и компаниям рейтинг социального доверия, а затем, оценивая их поведение в режиме реального времени, повышать или снижать этот рейтинг. Наказывать и поощрять будут не за отдельные поступки, а за всю совокупность «моральных устоев», накопленных в системе памяти обо всех действиях индивида или компании. Совершив проступок и снизив тем самым свой рейтинг, будет наказан не только сам гражданин, но и его ближайшие родственники. Система социального доверия активно тестируется в разных регионах Китая. Каков будет результат эксперимента пока трудно сказать. Главный вопрос: не принесет ли он тотальную зависимость людей во всех их делах, мыслях и устремлениях от тех, кто управляет государством?

Знакомство с современным опытом цивилизационного развития Китая и Индии поучителен и предостерегает от соблазна обращения к архаике во имя опоры на национальные традиции при формировании собственного пути цивилизационного развития. История человечества по-прежнему подтверждает трюизм утверждения о том, что не все традиции хороши, и от тех, что устарели и мешают продвижению вперед, следует отказаться.

В отличие от приведенных выше двух примеров, третий - японский позитивен в том смысле, что демонстрирует возможности успешного разрешения проблемы цивилизационного развития без утраты культурной идентичности. Причисление Японии к разряду самостоятельной цивилизаций произошло в XX в. С. Хантингтон включил ее в один ряд с семью цивилизациями, хотя и признал, что она является «отпрыском» китайской цивилизации. Выделение японской цивилизации как самодостаточной вызывает в научных кругах большие сомнения. Сами японцы, хорошо зная собственную историю и проявляя здравую объективность, не тратят сил и времени на доказательство того, что ими создана особая цивилизация. Они не предают забвению факт формирования протогосударства на японских островах (II–III вв.) при сохранении вассальной зависимости от Китая; всесторонне влияние (включая письменность, религию, идеологию и управленческие практики, первые своды законов китайской культуры) конфуцианства в последующие века. Окончательное достижение независимости от Китая наблюдается с установлением феодального военного правительства сёгунов (1603). Правление последнего сёгуна совпало с острым кризисом, выход из которого был найден в государственных реформах на европейский манер. Под давлением политических противников Токугава Ёсинобу в 1867г. заявляет о возвращении власти императору Муцухито, эпоха которого получила название «Мэйдзи», что означает «эпоха реформ». При Мейдзи наблюдается бурное промышленное развитие. Последнее стало возможным во многом благодаря идеям, имевшимся в японских религиозных течениях и стимулировавшим вклад «мирской аскезы» в экономическое развитие. Особую роль в формировании базовых ценностей трудовой этики в Японии сыграл Исида Байган (1685–1744), автор *Сэжимон сингаку* – «Учение Исида о сердце». Суммировав общие тенденции

неоконфуцианства, буддизма и синтоизма эпохи Токугава, Исида выразил «духа японского капитализма».

В современном цивилизационном развитии Японии продолжают сосуществовать два направления, которые проявились еще в начале XX в., когда перед японским обществом встала проблема разрешения противоречия между принятием достижений западной науки и технологии, с одной стороны, и сохранением традиционных культурных ценностей—с другой. Основатель Школы Киото - Китаро Нишида (1870—1945), автор “Исследование Добра” (1911), считал неприемлемым для японцев западный сциентистский подход. Всякое суждение, полагал он, возникает из определенного контекстуального поля. Человек - социальный индивид, создающийся в процессе диалога с другим. Экономические успехи Японии отчасти объясняются именно данной установкой на признание зависимости истины от определенного контекста, что позволяет японцам более свободно и гибко действовать в мире реальных, проявляя поразительные способности к прагматизму в лучшем смысле этого понятия.

Доминирующая роль долга в японской трудовой этике во многом определила такую ее особенность, как придание большого значения личной ответственности субъекта трудовой деятельности перед группой, к которой он принадлежит и с которой себя отождествляет, перед обществом, государством, перед своим ближним и дальним окружением. Став основой корпоративизма семейного типа, эта этика сыграла роль мобилизующего фактора не только в социально-политической, но и социально-экономической сфере, чего не было ни в Китае, ни в Корее. Качество и эффективность — философия японцев.

Обладая чрезвычайно высоким средним уровнем образованности, развитой и культивируемой индивидуальной рефлексией, японцы в то же время отличаются своими коллективными формами поведения – модус поведения, выработанный в критически перенаселенном пространстве. Иначе говоря, речь идет о свободном и осознанном японцами выборе ограничения индивидуальной свободы ради общественных целей и интересов.